

К.Н. Соколов

**Правление генерала
Деникина. Из воспоминаний**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.Н. Соколов**
Правление генерала Деникина. Из воспоминаний / К.Н. Соколов – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 296 с.

ISBN 978-5-517-97577-5

ISBN 978-5-517-97577-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

НА ДОНУ И НА КУБАНИ ВЪ 1917—1918 г. г.

Впервые судьба привела меня на берега тихаго Дона и вольной Кубани въ ноябрѣ 1917 года. Черезъ десять дней послѣ сверженія Временнаго Правительства и разгона Предпарламента, въ субботу, 4 ноября я увезъ свою семью изъ краснаго Петрограда въ Анапу, небольшой приморскій городокъ Кубанской области, гдѣ уже образовалась цѣлая колонія столичныхъ бѣженцевъ. Въ то время еще можно было не безъ удобства ѣздить по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ вагонѣ международнаго общества, правда, безъ электричества, воды и бѣлья, мы за двое съ половиною сутокъ доѣхали до Ростова, и еще черезъ день пути, по желѣзной дорогѣ до ст. Тоннельной и оттуда на лошадахъ, были въ Анапѣ.

За все наше путешествіе мы не замѣтили признаковъ той грозной калединской „контръ-революціи“, которой пугали и сами пугались народные комиссары въ Петроградѣ. Генераль Калединъ Харьковъ не бралъ, Воронежа не занималъ, на Москву наступать не думалъ, такъ что революціонный пролетаріатъ напрасно готовился рыть окопы вокругъ Первопрестольной. У донскаго атамана, какъ и у его кубанскаго коллеги, полковника А. П. Филимонова, было довольно своихъ домашнихъ хлопотъ. Донъ и Кубань вмѣстѣ со своимъ „младшимъ братомъ“ Тереккомъ не признали совѣтской власти и устраивали свои дѣла съ расчетомъ до Учредительнаго Собранія — тогда все дѣлалось „до Учредительнаго Со-

бранія“ — жить на „самостійных“ началахъ. Для этого имъ нужно было поладить такъ или иначе съ не-казачьей частью населенія, настроенной почти сплошь соціалистически и сильно подверженной большевистской агитаціи, завершить строительство своихъ выборныхъ установленій и, опираясь на нихъ, отразить натискъ большевизма „внутренняго“ и „внѣшняго“ Организацию казачьихъ областей предполагалось увѣнчать созданиємъ Юго-Восточнаго Союза казачьихъ войскъ, горныхъ племенъ Дагестана и даже вольныхъ народовъ степей. Довольно забавная конституція этого фантастическаго федеративнаго образованія была уже изготовлена. Союзное правительство должно было имѣть свою резиденцію въ Екатеринодарѣ.

Условія среды явно не благопріятствовали этой работѣ. Главная опора казачьихъ правительствъ — казачьи войсковыя части возвращались съ фронта съ большевистскими идеями и лозунгами. Солдаты же изъ иногороднихъ, дезертировавшіе одиночнымъ порядкомъ и цѣлыми группами, были поголовно большевики. Ихъ много шаталось у насъ по анапскому базару. Они „мутили“ базарныхъ бабъ, и безъ того свыше всякой мѣры возбужденныхъ видомъ „шляпокъ“ петроградскихъ и московскихъ барынь. „Выступлений“ ждали всюду. Даже въ маленькой Анапѣ увѣренно говорили о неизбежности „Еремѣевской ночи“. Но офицеры, проживавшіе въ санаторіи, были еще вооружены, и казачья власть была еще способна къ жестамъ энергіи и твердости. Въ Анапѣ намѣченный для выступления день прошелъ спокойно. Въ Екатеринодарѣ въ ночь на 1 ноября казаки разоружили подозрительный по большевизму артиллерійскій дивизионъ, пользовавшійся особыми симпатіями мѣстнаго „демократическаго“ городского самоуправленія.

Изъ Анапы я проѣхалъ въ Ростовъ и пробылъ тамъ двѣ недѣли, съ 12 по 26 ноября. Я жилъ у В. Ф. Зеелера, виднаго ростовскаго адвоката и общественнаго дѣятеля, достойно и внушительно правившаго съ первыхъ дней революціи мѣстнымъ градоначальствомъ. У него проживалъ и П. Н.

Милюковъ, который только что вырвался изъ Москвы и немедленно принялся за составленіе своей книги о второй русской революціи.

„Контръ-революція“ на Дону давала уже себя чувствовать. Въ Новочеркасскѣ я видѣлъ генерала Алексѣева, чудомъ спасагося отъ ареста въ день разгона Предпарламента. Въ очкахъ, въ синемъ пиджачномъ костюмѣ, онъ походилъ на захудалого провинціального интеллигента. Бывшій Верховный Главнокомандующій не терялъ даромъ времени. Онъ собиралъ вокругъ себя офицеровъ, юнкеровъ, студентовъ, кадетовъ и формировалъ изъ нихъ первые кадры Добровольческой Арміи. Тутъ же въ Новочеркасскѣ при участіи донскихъ нотаблей, во главѣ съ Н. Е. Парамоновымъ, шла организація „Экономическаго Совѣта при Войсковомъ Правительствѣ“. Гулялъ по улицамъ казачьей столицы монументальный М. В. Родзянко. Пріѣзжалъ въ Ростовъ избранный въ Учредительное Собраніе по Харьковской губерніи А. И. Шингаревъ. Онъ провелъ съ нами нѣсколько дней и уѣхалъ въ Петроградъ навстрѣчу аресту и смерти. Пріѣхалъ нашъ товарищъ по центральному комитету партіи народной свободы В. А. Степановъ, управлявшій при Временномъ Правительствѣ министерствомъ торговли и промышленности. Пріѣзжали или ожидались на Тихій Донъ и другіе „россійскіе“ люди. Но уже обозначалась линія „водораздѣла“ между „россійскими“ и „мѣстными“, казачьими группировками. „Россійскіе“ дѣятели ставили себѣ задачу освобожденія и возсозданія единой Россіи, они тяготѣли къ Добровольческой Арміи, которой Донъ давалъ только временный пріютъ. Донцы хлопотали о Донѣ. Они думали, что казачество откажется „завоевывать“ Россію, но сумѣетъ постоять за свободу и неприкосновенность родныхъ очаговъ.

Тѣмъ временемъ кругомъ сгушались тучи. Совѣтская власть постепенно овладѣвала Россіей. Пришли извѣстія о захватѣ ставки, о трагической гибели генерала Духонина и о началѣ переговоровъ съ нѣмцами. На ст. Прохладной солдаты убили терского атамана, М. А. Караулова. Гдѣ то на

линии Владикавказской желѣзной дороги выгрузилась пришедшая съ фронта большевистски настроенная армейская дивизія. Въ самомъ Ростовѣ было неблагополучно. Большевики организовывали красную гвардію и открыто готовились къ захвату города. Казачьи части были ненадежны, и власти старались лавировать въ поискахъ пріемлемыхъ компромиссовъ. Представители городского самоуправления, В. Ф. Зеелеръ, командующій войсками генералъ Потоцкій прилежно совѣщались съ большевистскимъ лидеромъ, — „работающимъ иглою“ Рѣшетковымъ. Велась классическая для русской революціи игра на взаимное „разложеніе“. Оптимисты говорили, что большевики разлагаются, что армейская дивизія уже разложилась. Пессимисты утверждали, что разлагаются казаки.

* * *

Въ Донской области происходили какъ разъ выборы въ Учредительное Собраніе, и мои партійные друзья привлекли меня къ участию въ предвыборной агитаціи. Въ субботу, 18 ноября я говорилъ на митингѣ въ Таганрогѣ. Я засталъ маленькій городъ въ тревогѣ.

На рейдѣ показались транспорты, пришедшіе изъ Крыма и явно большевистскіе. Обыватели опасались обстрѣла и вечеромъ пробирались по улицамъ крадучись, прижимаясь къ домамъ.

Возвращаясь послѣ собранія теплою лунною ночью, мы встрѣтили группу гласныхъ, шедшихъ изъ Городской Думы. Дума засѣдала, совѣты и комитеты засѣдали. Было рѣшено послать „делегацію“ освѣдомиться о цѣли прибытія транспортовъ. Разсчетъ и здѣсь былъ, видимо, на „разложеніе“

Мнѣ сначала не повѣрили, когда на другой день я рассказывалъ въ Ростовѣ о таганрогской сенсаціи. Но скоро фактъ прибытія транспортовъ подтвердился, были получены свѣдѣнія, что они движутся къ устью Дона. Впрочемъ, никто ничего не опасался. Мѣры принимались. При входѣ въ

гирла должна была быть затоплена баржа, и, кромѣ того, отъ Азова должна была стрѣлять пушка.

Прошло два дня. Встрѣчаю на Большой Садовой гардемарина изъ бывшихъ моихъ студентовъ.

— Слышали, говорить, что большевики вошли въ Донъ?

— Какъ же такъ?

— Да такъ, вошли и ошвартовались неподалеку отъ моста.

— А баржа, а пушка?

Баржу, оказывается, затопить не удалось, и пушка не стрѣляла.

Но оптимисты не унывали. Матросы, успокаивали они, уже начали разлагаться, поѣхали даже съ казаками удить рыбу.

20 ноября я дѣлалъ въ помѣщеніи кинематографа „Солей“ публичный докладъ о внѣшней политикѣ революціонной Россіи. Въ городѣ было неуютно и, когда публика расходилась, по улицамъ уже носились — предвѣстники всякаго большевистскаго выступленія — грузовые автомобили. Нѣтъ, большевики упорно отказывались разложиться.

Большевики не разложились, и въ ночь на воскресенье, 26-го, открылись военныя дѣйствія. Генералъ Потоцкій рѣшилъ перейти въ наступленіе и послалъ къ кинематографу „Марсъ“, гдѣ засѣдалъ совдепъ, свой автомобиль съ казаками для производства арестовъ. Въ возникшей перестрѣлкѣ былъ убитъ казаній офицеръ, автомобиль генерала Потоцкаго угнали. Нѣсколько часовъ спустя большевики заняли почту и телеграфъ.

Утромъ мы съ В. А. Степановымъ уѣхали въ Петроградъ на Учредительное Собраніе.

— Поторопитесь, — сказалъ по телефону начальникъ станціи, у котораго мы справлялись о кислородскомъ скоромъ поѣздѣ, — вы попадете еще на вчерашній.

* * *

„Вчерашній“ поїздъ отмѣнно доставилъ насъ до самаго Петрограда. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ сѣверу, вагонъ нашъ все пустѣлъ, а на душѣ у насъ становилось все веселѣе. Газеты были полны статей объ Учредительномъ Собраніи и предрекали неизбѣжное крушеніе большевизма. Выйдя въ часъ ночи съ 28-го на 29 ноября изъ Николаевского вокзала, мы увидѣли Знаменскую площадь, оцѣненную знаменами, орифламами, хоругвями. Въ глаза бросались надписи: „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“ — „Долой насильниковъ — большевиковъ!“ Мы распрощались, преисполненные самыхъ радужныхъ надеждъ.

Вмѣстѣ съ утромъ настало разочарованіе. Оказалось, что демонстрація 28-го ноября въ честь Учредительнаго Собранія вышла „интеллигентской“ и потому мало внушительной, что въ тотъ же день на дому у гр. С. В. Паниной были арестованы Шингаревъ, Кокошкинъ и кн. Павелъ Долгоруковъ, и что центральный комитетъ нашей партіи объявленъ внѣ закона. У В. А. Степанова на разсвѣтѣ уже побывали „гости“. Онъ успѣлъ скрыться. Пришлось и мнѣ скрываться. Въ то время сыскъ у большевиковъ былъ еще въ кустарномъ состояніи, и прятаться было легко. Я перебрался на Васильевскій островъ и тамъ у добрыхъ знакомыхъ пережилъ недѣлю пьяныхъ погромовъ. Революціонныя войска Петрограда врывались въ винные погреба, якобы для ихъ уничтоженія, растаскивали бутылки съ виномъ и спиртомъ и тутъ же напивались до безчувствія. Новые „карательные“ отряды являлись съ броневиками и пулеметами выбивать ихъ и сами принимали участіе въ пьяномъ разгулѣ. На улицахъ стоялъ нестерпимый винный запахъ, то тутъ, то тамъ вспыхивали пожары, въ разныхъ углахъ города щелкали винтовки и такали пулеметы. Доведенные до отчаянія „буржуи“ уже мечтали о приходѣ нѣмцевъ.

7 декабря я уѣхалъ въ Москву, снова направляясь на Югъ. Въ Москвѣ мнѣ продали билетъ до Ростова „безъ ру-

чательства“ Во время боевъ путь между Ростовомъ и Новочеркасскомъ былъ разобранъ и сквозное движеніе поѣздовъ только что налаживалось. Все, однако, обошлось благополучно. Совѣтская Россія и „контръ-революціонный“ Донъ еще не открывали военныхъ дѣйствій и, набираясь силъ, подозрительно присматривались другъ къ другу.

Изъ краснаго Воронежа въ бѣлый Ростовъ можно было проѣхать безпрепятственно. Но начиная съ Черткова, наблюдались непривычные порядки. Нашъ вагонъ шель отъ Москвы до отказа набитый „товарищами“ На границѣ Донской области они стали исчезать. Частью они „растворились въ населеніи“, частью были переведены въ теплушки, прицѣпленныя къ хвосту поѣзда. Проживъ нѣсколько дней въ Ростовѣ, я къ Рождеству былъ у своихъ въ Анапѣ.

Въ это время положеніе выяснилось во всѣхъ подробностяхъ. Пути „казачьей“ и „россійской“ политики обозначились совершенно отчетливо. Алексѣевъ и присоединившійся къ нему Корниловъ дѣлали обще-русское дѣло, готовясь дать рѣшительный бой большевизму во имя единой, недѣлимой Россіи. Казаки сознательно замыкались въ тѣсномъ кругу своихъ мѣстныхъ интересовъ, лѣстя себя надеждой болѣе скромной формулировкой своихъ задачъ облегчить ихъ достиженіе. Обще-русскую конституціонную болѣзнь, угрожавшую распространиться на часть русскаго организма — казачьи области, они трактовали, какъ „внѣшнюю“ опасность, которую будто бы можно было механически остановить у казачьихъ границъ. Однако, сравнительная сила „россійскаго“ и „мѣстнаго“ воинскаго начала была уже измѣрена при освобожденіи Ростова въ началѣ декабря. Въ бою за „казачій“ Ростовъ большую роль сыграли „россійскіе“ добровольцы генерала Алексѣева.

Между тѣмъ, и на Дону, и на Кубани организація казачьей власти продолжалась. И тамъ, и здѣсь состоялись съѣзды не-казачьяго, иногородняго населенія. Съѣзды эти обнаружили преобладаніе среди иногороднихъ крайнихъ теченій. Руководящую роль играли лѣвые социалисты — рево-

люціонеры, а на Кубани фігурировали и традиційный анархистъ изъ охранныхъ подъ псевдонимомъ (тоже традиція!) Рондо. Кубанскій съѣздъ раскололся, и послѣ этого было достигнуто соглашеніе о переустройствѣ органовъ краевой власти на началахъ „паритетнаго“ представительства казачьяго и не-казачьяго элемента. Въ началѣ января 1918 года пополненной иногородними Законодательной Радѣ представилось „объединенное“ казачье-иногороднее правительство во главѣ съ Л. Л. Бычемъ. На Дону къ Новому Году была проведена такая же реформа, и въ составъ войскового правительства „контръ-революціонера“ Каледина вошли махровые эсъ-эры. По этому поводу въ Новочеркасскѣ и въ Екатеринодарѣ было сказано много пышныхъ и пустыхъ фразъ. Но силы краевымъ правительствамъ отъ того не прибавилось. Соціалистическая демократія повисла на казачьихъ вождахъ тяжелымъ грузомъ, стѣсня свободу ихъ движеній и выдавливая изъ нихъ вынужденныя уступки своей „согласательской“, полу-большевистской и четверть-большевистской идеологіи. Соціалисты ростовской Городской Думы показали себя во весь ростъ послѣ взятія Ростова Калединымъ. Вступленіе алексѣевско-калединскихъ войскъ спасло Думу отъ предрѣшеннаго большевиками разгона. Думская „демократія“ отблагодарила своихъ избавителей массой мелкихъ булавочныхъ укуловъ. Похороны убитыхъ на ростовскомъ фронтѣ большевиковъ она превратила въ безтактную и пошлую демонстрацію противъ военной „контръ-революціи“. Екатеринодарская Дума въ январѣ волновалась по поводу разоруженія артиллеристовъ въ ноябрѣ и требовала освобожденія арестованныхъ „товарищей“ Конечно, и кубанскіе, и донскіе „демократы“ тотчасъ же взяли подъ подозрѣніе добровольческія формированія. Лѣвое крыло объединеннаго донского Войскового Правительства добивалось „контроля“ надъ Добровольческой Арміей. Демократическая „общественность“ шла еще дальше и требовала роспуска Арміи или удаленія ея изъ предѣловъ Донской области. Да и въ собственнo казачьей средѣ на первыя роли выдвинулись „лѣ-

вѣшіе“ элементы. На Дону шумѣлъ талантливый демагогъ П. М. Агѣвъ, блеснувшій у насъ въ Предпарламентѣ ловко построенной и удачно сказанной рѣчью. На Кубани верховодили лидеры украинофильствующаго „Черноморья“ — братья П. и И. Макаренки, С. Ф. Манжула, Н. С. Рябоволь, Л. Л. Бычъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ нечего было и думать о „завоевательной“ кампаніи вглубь Россіи. „Демократія“ допускала по отношенію къ большевикамъ только „оборону“.

Чего стоила такая оборонительная тактика, можно было видѣть въ Анапѣ, гдѣ процессъ захвата власти большевиками прошелъ передъ нами безпрепятственно и почти безболѣзненно. Началось это въ первыхъ числахъ января, одновременно съ образованіемъ въ Екатеринодарѣ объединеннаго правительства, которое должно было окончательно упрочить краевую власть. Въ анапскомъ курзалѣ состоялось народное собраніе, на которомъ одинъ изъ членовъ Законодательной Рады выяснялъ значеніе „великой реформы.“ Докладчику не удалось овладѣть „народомъ“ и собраніе закончилось подъ дружные возгласы: „Да здравствуетъ Ленинъ, да здравствуетъ Троцкій!“ Съ тѣхъ поръ „народъ“ сталъ усиленно „митинговать“. На митингахъ говорили вообще о буржуяхъ, жадно пьющихъ алую пролетарскую кровь, и, въ частности, о необходимости подѣлать городскіе „планы“ „Народъ“ все болѣе и болѣе утверждался въ рѣшеніи передать „всю власть совѣтамъ“. Утвердиться въ этомъ ему очень помогли пріѣзжавшіе моремъ изъ сосѣдняго Новороссійска, гдѣ совѣтское правленіе давало уже свои сладостные плоды, инструкторы и агитаторы. Какъ водится въ такіе моменты, стала быстро падать эфемерная популярность социалистическихъ „вождей народа“ формации Временнаго Правительства. Какъ водится, „реальная сила“ оказалась на сторонѣ большевиковъ. Казачья сотня держалась нейтрально, офицерскую санаторію какъ разъ во время прикрыли, и офицерство разѣхалось, а солдаты — пулеметчики эвакуированной съ сѣвера пулеметной школы были, конечно, за совѣтскую

власть. Такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что когда въ одно прекрасное утро товарищъ Кострикинъ, городской стараго режима и присяжный счетчикъ эпохи Временнаго Правительства, занялъ мѣстное казначейство и объявилъ себя комиссаромъ надъ нимъ, онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Казачья сотня покинула городъ. Я любовался ею, когда она медленно прослѣдовала мимо моихъ оконъ. Какіе прекрасные кони! Какіе эффектные всадники! Какъ хорошъ этотъ молодой офицеръ, высокій и прямой, въ своей черной буркѣ!

Анапа — единственный портъ Кубанской области, на Черномъ морѣ, и краевая власть, очевидно, не могла быть равнодушна къ захвату ея большевиками. То, что она осталась молчаливой и бездѣятельной свидѣтельницей этого захвата, было лучшимъ доказательствомъ ея безсилія. Утопая въ морѣ демократической словесности, она увѣряла дипломатическимъ порядкомъ Черноморскую совѣтскую республику въ отсутствіи у нея наступательныхъ, захватныхъ намѣреній, а большевизмъ наступалъ на нее со всѣхъ сторонъ, увѣренно и смѣло, дѣйствуя здѣсь путемъ внутреннихъ взрывовъ, тамъ путемъ вооруженнаго натиска извнѣ. Только на „главномъ“ направленіи по линіи Екатеринодаръ—Новороссійскъ казачья оборона, не безъ участія и содѣйствія добровольцевъ, протекала успѣшно. Находясь уже „подъ Кострикинымъ“, мы читали въ газетахъ о неудачномъ для большевиковъ сраженіи 24 января у станціи Георгіе-Афипской, въ которомъ побѣдоноснымъ правительственнымъ отрядомъ командовалъ летчикъ, капитанъ Покровскій. Газеты были Новороссійскія и поэтому онѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ описывали подвиги убитаго въ этомъ бою предводителя красныхъ, юнкера Яковлева.

Въ январѣ 1918 года техника совѣтскаго строя была далека отъ совершенства, и совѣтская власть организовалась у насъ не сразу. Немало времени ушло на пререканія съ Думой, которая доказывала „ненужность“ сформированія военно-революціоннаго комитета, и съ почтой, которая объ-